

«Воспоминания, посвященные светлой памяти моих предков в
ознаменовании 80-летия Великой Победы»

Уважаемый читатель!

9 мая 2025 года мы отметили 80-летие Великой Победы. Поздравляю вас со Священной Победой в Великой Отечественной войне и хочу поделиться воспоминаниями о тех, кто пролил кровь и отдал жизнь ради мирного неба над нашей головой, защитив свою Родину — Союз Советских Социалистических Республик, СССР.

Эти небольшие записи призваны сохранить для будущих поколений героизм наших предков, словно высеченный на камне.

Не могу не упомянуть своих родителей — отца Таштана и мать Зуурагуль, которые росли в тылу в Кыргызстане, далеко от фронта. Они были детьми войны и тоже ковали Победу, собирая вручную остатки пшеницы на полях с рассвета до заката и сдавая зерно для отправки на фронт. Им было всего 12 и 10 лет от роду.

Итак, позвольте начать с рассказа о старшем сыне Кайыпа — Болоте.

Болот, сын Кайыпа, родился в 1912 году в селе Кадуу Сузакского района. Он кыргыз из Левого Крыла (Сол Канат), рода Басыз. У Болота были братья: Турду, Мамасали и младший — Таштан. Почему я называю Болота «Ата» (дед), а своего отца Таштана — «Аке» (старший брат)? Причина кроется в кыргызских традициях. Мой дед Кайып и бабушка умерли зимой 1944 года, и мой отец Таштан остался круглым сиротой. Дети Таштана не застали деда Кайыпа. В таких случаях роль деда берет на себя старший брат. Болот вырастил моего отца, отправил его в столицу для поступления в университет, женил. Он исполнил все отцовские обязанности. Поэтому мы, дети Таштана, с гордостью называем Болота дедушкой.

Когда мы подрастали, с нами жил Сулайман Аке — сын Турду Ава, который носил меня на руках и воспитывал. Видимо, мы с братом, слыша, как Сулайман называл отца «Таштан Аке», переняли это обращение. Мой отец продолжил традицию: он заботился о Сулаймане, помог ему поступить в вуз.

Болот Ата, Турду Ава и Мамасали Ава участвовали в Великой Отечественной войне. После войны Болот и Турду вернулись, а судьба Мамасали осталась неизвестной.

Болот Ата (в селе его звали Полот аке) очень любил меня. Однажды в знойный день, когда я играл с детьми, он подъехал верхом на коне. Я подбежал поздороваться, и он сказал: «Запрыгивай, сынок, поедем на пастбище». Крепко обняв, он пощекотал меня колючей бородой. У шлагбаума он попросил дежурную Гулайшу передать родителям: «Я забираю Марата на пастбище, пусть передадут теплую одежду». Так мы отправились к пастбищу Мусаке (ныне оно принадлежит внукам Болота — Акылу и Жайлообеку).

Мне тогда было лет шесть. По вечерам дед усаживал меня рядом и учил: «Запомни семь предков». Я повторял: «Отец — Таштан, дед — Кайып, его отец — Бекбоо, далее Шайбалда, Мадыш, Саргалдай Бий, Осмон, Эмил». Он радовался: «Ты запомнил восемь! Молодец!» Болот наставлял: «Перед женитьбой узнай семь поколений невесты. Нельзя заключать никах с родственницей до седьмого колена». Шутя, он добавлял: «Выбери дочь Абдылды-еврея: Батму или Зууру». Я кривился: «У них соплвится из носа!» Дед смеялся: «Я бы отдал за невесту ящик водки, мешок муки и пять кило сахара!»

Однажды на рассвете мы с дедом приехали на зимнее пастбище Кедей. Его сын Макай скошил траву, а я помогал собирать сено. Когда солнце стало палить, дед сказал: «Отдохни, сынок». Мы укрылись в тени, пили кумыс, ели боорсок со сметаной. Я спросил: «Ата, вы были на войне?»

«Да, сынок. Я ушел в 1939-м, вернулся в 1946-м», — ответил он. До войны Болот работал секретарем сельсовета. Из-за конфликта с председателем, который несправедливо распределил облигации займа, дед сжег их. За это его осудили как «врага народа». В 1941-м он добровольцем ушел на Ленинградский фронт.

«Война — это ад, сынок. Наша рота четырежды брала высоту, и четырежды немцы отбивали её. Командир первым шел в атаку. За нами, штрафниками, стоял заградотряд НКВД. Один узбек отстал из-за раны. Майор застрелил его, а его брат-близнец, мой товарищ, выстрелил в майора... Так и гибли».

Дед замолчал. Сопка, за которую бились, была усыпана телами. «Мы теряли целые роты, но снова шли...»

Эти воспоминания — как капли в океане народного подвига. Вечная слава героям!

На возвышенности немцы вырыли глубокие окопы и установили дзоты — позиция была идеальна для обороны. С наступлением сумерек нам, наконец, удалось занять высоту в пятый раз. После подкрепления орудиями и минометами немцы не решались атаковать ночью. Мы продержались там несколько дней.

Перед тем как заступить на пост, командир строго предупредил: «Каждую ночь пропадают часовые. Рядовой Кайыпов, будь начеку, не вздумай спать. Чтобы и тебя не утащили». Он оставил меня в окопе на западном склоне возвышенности, назвав пароль — «Ложка». «Если кто подойдет, кричи „пароль“. Не ответит — стреляй», — добавил он.

Ночью, перед рассветом, я услышал хруст ветки. Вглядевшись в темноту, заметил движение. Сердце бешено стучало. Прошло больше часа, пока силуэт приблизился на пятьдесят метров. Я крикнул: «Пароль!». Тишина. Повторил трижды по-русски: «Стреляю! Пароль!». Выстрелил — раздался стон. Сверху донесся голос командира: «Кто стрелял?». Я объяснил: «Человек полз, не назвал пароль». «Иди проверь», — приказал он.

Выбравшись из окопа, я пополз под обстрелом. На земле лежал немец ростом под два метра. Ткнул штыком в ногу — застонал. Без сознания. Еле втащил в окоп. Командир осмотрел оружие, вызвал подмогу, и пленного увезли.

Наутро командир построил роту: «Рядовой Кайыпов задержал немецкого разведчика. Объявляю ему три часа отдыха!». Оказалось, это был спецназовец, похищавший наших солдат.

За эти часы я успел сходить в госпиталь, помыться, постирать форму. Помогал переносить раненых, потом вернулся в часть. Время пролетело мгновенно.

Осенью, когда начались дожди, командир вызвал меня: «Приведи Жучку». Я подобрал щенка на задании — умного, как тайган. Жучка понимала команды с полуслова. В штабе командир, убедившись в её навыках, вручил пакет с сургучной печатью для партизан в тылу врага.

Мы три ночи шли на лодке, днём прятались в лесу. На обратном пути, плывя против течения, укрылись под деревом. Жучка дёрнула за рукав — в десяти метрах стоял немец, ствол автомата опущен. По негласному правилу, это означало мирные намерения. Я кивнул. Немец показал на рот — просил еды.

Осталась последняя пайка хлеба. Разломил пополам, бросил ему. Он проглотил, выпил из фляги и снова потянулся. Я показал: «Нет, это нам с Жучкой». Немец вскинул автомат — Жучка вцепилась ему в горло. Я добил ножом.

Забрав документы, оружие и сапоги, закопал тело. Следы замели. К утру добрались до штаба. Командир, проверив документы, дал три дня отпуска.

В госпитале начальница, услышав мою фамилию, спросила по-кыргызски: «Ты из Кыргызстана?». Оказалось, землячка из Джалал-Абада! Она перевела меня санитаром. Возможно, это спасло мне жизнь.

Зимой, в блокадном Ленинграде, мы развозили хлеб по карточкам. Видел, как люди умирали от голода. Тела сбрасывали в Неву, а весной хоронили. «Не спрашивай о войне, сынок. Ничто не стоит мира», — закончил Болот Ата.

Он умер зимой 1981-го, когда я служил в армии. На похороны не попал. Вернувшись в мае, пришёл к его дому, плача читал молитву...

Низкий поклон всем, кто подарил нам Победу.

Турду Ава

Турду Ава — второй сын моего деда Кайыпа — родился в 1916 году в селе Кадуу Сузакского района. Кыргыз из Левого Крыла (Сол Канат), представитель рода Басыз.

Когда мне было четыре года, мой отец Таштан, оставив партийную работу, решил построить школу в родном селе и был назначен её директором. Наша семья переехала в Кадуу. За три года он возвёл здание восьмилетней школы, не присвоив из государственных средств ни единого гвоздя. В те времена анонимные доносы были обычным делом. В 1968 году к нам пришли проверяющие: они брали образцы кирпича из стен нашего дома, чтобы проверить донос о якобы украденном материале. Оказалось, дом был построен из самодельного самана. Проверка подтвердила невиновность отца, и чиновники извинились.

В шестилетнем возрасте я наблюдал, как Турду Ава разговаривал на немецком с мастерами, помогавшими строить школу. Главного из них звали Яша — высокий седой мужчина. Он приносил крошечные помидоры, похожие на сливы, и угощал нас, детей. Их беседы с Турду всегда были тайными.

Однажды, поливая кукурузу, Турду закатал штаны, и я увидел шрамы на его ногах. «Ава, что это?» — спросил я. «Следы от зубов

немецких овчарок», — ответил он. Долго я умолял его рассказать подробности.

Турду Ава был суров и немногословен. Сельчане звали его «Турду Закон» за строгость к провинившимся. Но к тем, кого уважал, он относился с теплотой. Таким стал Яша. Для меня оставалось загадкой: как человек, переживший ужасы плена, мог дружить с немцем?

Однажды, жарив кукурузу для детей, Турду начал рассказ:

«В начале войны я попал в окружение под Украиной. Дважды бежал из плена — меня ловили, били, травили собаками. Три года в неволе научили меня немецкому. Не все немцы — фашисты. Яша — простой человек, жаль, что не может вернуться домой. Войну начал не он, а Гитлер.

В третий раз я сбежал через леса Западной Украины. Спрятался в деревне, пока не пришла Красная Армия. После проверки в НКВД меня отправили в Будапешт.

Перед штурмом города наш взвод захватил станцию с цистернами. Солдаты нашли вино, выпили и отравились. Выжили только я и кумык — мы, мусульмане, не прикасались к спиртному. Аллах спас нас за верность заветам.

В Венгрии один старик, узнав, что я кыргыз, сказал: «Мы, мадьяры, — ваши родственники». Он устроил меня в доме, спрятав дочь от солдат. Запомни, сынок: в Европе есть народ, близкий нам по крови».

Турду Ава вернулся в 1945-м, узнав о смерти родителей. Он шёл 60 км от Джалал-Абада до пастбища Жошо, оплакивая их в «кошоках» — песнях-причитаниях. Отец вспоминал: «С его возвращением мы перестали голодать».

Силач Турду в лютую зиму 1968-го носил воду для двух семей, пока отец, застряв в ледяной реке, не заболел воспалением лёгких.

Из воспоминаний Абдилаза Аке (сына Турду):

«Отец спросил, где я пропадал. «На Карпатах», — ответил я. «Если бы знал, поехал бы с тобой», — вздохнул он. «Зачем?» — «Повидался бы со старушками». Может, там остались наши корни?»

Турду Ава ушёл из жизни в 1991 году, в разгар сенокоса. Я участвовал в его похоронах, бросив горсть земли на могилу у подножия Такчал-Мазар — кладбища, известного даже в Мекке.

Мамасали Ава

У меня мало сведений о Мамасали Ава. Даже год его рождения я точно не знаю. Он был третьим сыном моего деда Кайыпа, кыргызом из Левого Крыла, рода Басыз. Предположительно, он родился в 1926 или 1927 году в ныне существующем селе Кадуу Сузакского района. В 1944 году, не дождавшись исполнения восемнадцати лет, он добровольно ушел на фронт во время Великой Отечественной войны.

В 2005 году, когда шла активная предвыборная агитация в депутаты Жогорку Кенеша, я ехал на Ниве в село Ачы Сузакского района для встречи с избирателями. По дороге мне встретилась группа пожилых всадников, которые переходили реку. Я остановил машину и вышел поздороваться с аксакалами. Один из них, с белой бородой и костылем, спросил меня: «Марат, это ты сын директора Таштана из Кадуу?» Я ответил «да». Он продолжил: «Ты знаешь своего Сали Ава?» Я сказал, что слышал о нем как о Мамасали Ава, но не знаю его судьбу — от него нет никаких вестей после войны. Он ответил: «Мы называли его «Сали». Мы вместе уехали на фронт с железнодорожного вокзала города Джалал-Абада на товарняке. В поезде было много солдат; мы специально освободили один вагон и постелили плотную солому, где устраивали состязания по борьбе. Твой Сали Ава до приезда в Узбекистан победил всех нас по борьбе. Пока мы проезжали территорию Узбекистана, не осталось ни одного узбека, которого он не победил. Затем поезд забрал таджиков — и снова ни одного таджика не оставил непобежденным. После этого были казахи и русские, а потом кавказцы — ни разу плечо твоего Сали Ава не коснулось земли. Он всех переборол и был настоящим богатырем. Когда мы прибыли в Ростов-на-Дону, нас распределили по разным ротам, и с тех пор я его больше не видел».

Вот все, что мне известно о моем родном Мамасали Аве. На него не пришла похоронка и нет никаких известий о том, пропал ли он без вести или попал в плен. Болот Ата и Турду Ава, а также мой отец надеялись до конца своей жизни, что он жив где-то в одном из уголков матушки-земли. Поэтому они не проводили поминальный «Аш».

В 2023 году мы, потомки Кайыпа, собрались и провели поминальный «Аш» нашим предкам, в том числе в честь Мамасали Ава.

Мы прочитали молитву за упокой его души и установили памятник в школе, основанной моим отцом в селе Кадуу.

Тем не менее, я до сих пор не теряю надежды. Я много раз писал письма в военкоматы и поисковые организации «Память Народа», «Мемориал ОВД» с просьбой о поиске хоть какой-то информации о нем — пока все тщетно. Знать бы, где сейчас лежит Мамасали Ава...

Дорогие мои деды — Болот Ата, Турду Ава, Мамасали Ава и все, кто сражался за Победу. Вы отстаивали мир для нашей Родины — СССР. Низкий Вам поклон и вечная память.

Простите нас за то, что не смогли сохранить нашу великую Родину — СССР. Ту самую, за которую вы отдали жизни. Святой долг нашего поколения — возродить и укрепить Союз, чтобы ваши жертвы не оказались напрасными.

Благодарю отцов-основателей Евразийского экономического союза (ЕАЭС), заложивших начало единства. Сегодня в ЕАЭС пять государств-членов: Армения, Республика Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Верю, что со временем наш Союз станет крепче, сильнее, а число его участников будет расти. Вместе мы вернём былое братство, чтобы мир увидел: нас не сломить.

Судья международного Суда ЕАЭС , Марат Кайыпов

Перевел Бекжан Мухамет уулу.
Редактировала Бермет Эгембердиева